Жан Филипп Ворт
ВЕК МОДЫ
«MÉMOIRES DE LA MODE» ОТ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВА

Жан Филипп Ворт

Век моды

Серия «Memoires de la mode от Александра Васильева»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7972396
Жан Филипп Ворт. Век моды: Этерна; Москва; 2013
ISBN 978-5-480-00319-2
Оригинал: JeanWorth, “A Century of Fashion”
Перевод:
А. А. Бряндинская

Аннотация

Эту книгу Жан Филипп Ворт посвятил своему отцу – Чарльзу Фредерику Ворту, первому всемирно известному дизайнеру, создателю моды *Haute Couture,* который одевал самых богатых и влиятельных женщин своего времени: представительниц королевских династий и жен американских миллионеров. Ч. Ф. Ворту принадлежит немало изобретений в сфере модного бизнеса. Его первым стали считать не обычным производителем одежды, а настоящим художником.

Жан Филипп увлекательно рассказывает об этом золотом веке моды, о работе и успехах их Дома моды, основанном в 1857-м и просуществовавшем почти сто лет, до 1956 года.

Содержание

Предисловие к русскому изданию 5
Предисловие 11
Глава 1 12
Глава 2 23
Глава 3 45
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Жан Филипп Ворт
Век моды

Серия «Mémoires de la mode от Александра Васильева» основана в 2008 году

Предисловие, научное редактирование и фотографии из личного архива Александра Васильева

На переплете – маскарадное платье «Павлин», изготовленное Ч. Ф. Вортом для принцессы де Саган, 1864 – Александр Васильев, Москва, 2007. Фото Джеймса Хилла

Предисловие к русскому изданию Властелин моды

Имя Чарльза Фредерика Ворта всегда будет ассоциироваться с царственными модами Викторианской эпохи. Основатель французской Высокой моды родился в местечке Боурн, в Англии, 13 ноября 1826 года. Сын скромного сборщика налогов в Линкольншире, он познал все ужасы бедности в семье без отца. В детстве ему пророчили работу в типографии, но весной 1838 года, в возрасте двенадцати лет, мальчик отправился в диккенсовский Лондон и ощутил все «прелести» эксплуатации детского труда. Чарльз Фредерик овладел профессией продавца в хорошем магазине импортных французских модных товаров, который назывался *Swan & Edgar*. Затем он получил повышение и перешел в еще более престижный магазин шелковых тканей в Лондоне *Lewis & Allenby*, являвшийся в то время Придворным поставщиком Ее Величества королевы Виктории.

В возрасте двадцати лет, в 1846 году, Чарльз Фредерик Ворт оставил родную страну и отправился пытать модное счастье в Париж, вечно манящий своим блеском и возможностями молодежь со всех концов света. Трудно предположить, через какие невзгоды и лишения прошел этот молодой англичанин в столице Франции. Первый месяц он работал приказчиком в магазине *Villede Paris*, но в 1847 году, наконец, нашел себе место продавца со знанием английского языка в престижном парижском магазине *Gagelin-Opigez & Cie* на улице Ришелье, недалеко от театра «Комеди Франсез». Этот магазин считался одним из самых знаменитых в Париже в те годы. Парижский шик с его изысканными выдумками, характерными для моды 1840 – 1850-х годов, были прекрасной питательной почвой, на которой молодой Ворт сформировал и развил свой талант.

Его окружала роскошь: дамы, утянутые в узкие корсеты, в шуршащих тафтяных широких платьях, в шалях и канзу[1], в капорах и баволе[2], с тонкими ручками в цветных лайковых перчатках; зонтики-умбрельки[3]; шелковая обувь на низком каблучке; бисерные ридикюли[4] и духи от *Guerlain* – все это не могло не восхищать и пробудило воображение талантливого юноши.

В магазине *Gagelin-Opigez & Cie*, где работал юный Ворт, торговали новинками французской текстильной промышленности: яркими шелками, броше[5], фаями[6] и оттоманами[7], барежем[8] и органди[9], нарядными брокарами[10], легкими набивными муслинами и лионскими шалями. Огромный выбор, заметно превышавший лондонский ассортимент, часто тяготевший к клетчатым тканям в стиле «балморал», любимом Ее Величеством королевой Викторией, поразили молодого англичанина в Париже. С неистовым упорством он принялся дра-

[1] Косынка больших размеров из легкой ткани или кружев, которую носили в первой половине XIX века, перекрестив концы на груди и завязывая их на талии.

[2] Маленькая косынка из ткани, отделанная по низу кружевом, которой заканчивался сзади женский головной убор типа наколки.

[3] Кружевные зонтики.

[4] Женская сумочка на длинном шелковом шнуре, украшенная вышивкой; надевался на руку.

[5] Шелковая или полушелковая ткань, вышитая золотом или серебром.

[6] Плотная ткань с мелкими поперечными рубчиками.

[7] Репсовая ткань.

[8] Тонкая, легкая бумажная, шерстяная, полушелковая или шелковая ткань для дамских платьев.

[9] Очень тонкая жесткая прозрачная матовая шелковая ткань, выработанная мелкоузорчатым переплетением. Применяли для отделки платьев, изготовления воротничков, жабо и т. п.

[10] Толстая шелковая ткань с блестящими узорами, употреблялась для драпировок и обивки мебели.

пировать эти новинки сначала на манекенах-бюстах, чтобы показать игру шелка в складках, драпировках и объеме, а затем перешел к живым моделям, особенно симпатизировал молоденькой мадемуазель Мари-Августине Верне (1825–1898). С парижской грацией XIX века она ежедневно меняла сшитые на живую нитку платья из тканей магазина. Покупательницы «ахали», приходили в восторг и покупали именно ту ткань, которую молодой англичанин использовал на платье мадемуазель Мари.

Вскоре дирекция магазина предложила ему руководить ателье по пошиву платьев при магазине. Оборот магазина и без того порядочный только увеличивался, а слава Ворта росла. К нему стали обращаться за советами: какую шаль подобрать к платью, купить пятнадцать метров шелка или все двадцать – такой приблизительно метраж требовался, если платье было с тремя рядами больших оборок по косой при корсетной талии в пятьдесят сантиметров. Говоря современным языком, молодой Ворт был не только продавцом-консультантом, но и стилистом. Одна из первых моделей Ворта, придворная мантия, крепившаяся на плечах, богато отделанная золотой вышивкой, даже получила золотую медаль в Лондоне, на Первой Всемирной выставке, в Хрустальном дворце.

Окрыленный первым успехом Ворт нашел себе компаньона, шведского художника-пейзажиста и сына банкира, Отто Густава Боберга (1821–1881). В это же время он обвенчался с мадемуазель Мари-Августиной, стал отцом первого сына и нашел новое место под свой магазин на тихой и спокойной рю де ла Пэ, в доме номер 7, которая отходит от Вандомской площади. В том далеком от нас 1857 году рю де ла Пэ (улица Мира) была поистине мирной и вовсе не торговой. Площади Гранд Опера, которая ныне завершает эту улицу, как и самого здания Оперы, тогда еще не существовало. Авеню Опера еще не была «прорублена» сквозь старые кварталы Парижа XVIII столетия. То есть выбор места для Дома моды был сделан Вортом скорее из экономических соображений. Думал ли он, открывая свой Дом в этом парижском районе, что привлечет сюда множество своих коллег и конкурентов? Позже рядом расположатся Дома моды *Doucet* и *Cheruit*, к ним подтянутся торговцы брильянтами – они до сих пор украшают эту историческую улицу, главную улицу парижской моды.

Успех Чарльза Фредерика Ворта как кутюрье был обусловлен в первую очередь историческими обстоятельствами. В начале 1850-х годов племянник Наполеона Бонапарта, Наполеон III стал императором Франции, и Париж вновь оказался мировым центром моды, люкса и красоты. Сразу понадобились новые платья: коронация, балы в Тюильри, приемы требовали роскошных туалетов, под стать изысканному вкусу Императрицы Евгении, супруге Наполеона III, урожденной испанской графини де Монтихо.

Но поначалу Дом моды *Worth & Boberg*, в котором с первых дней работало уже пару десятков сотрудников, довольствовался местной буржуазной клиентурой. Им приходилось торговать не только платьями, но тканями и отделками. Но даже самые первые модели нового Дома отличались оригинальностью и стильностью. В моей личной коллекции имеется редчайшее визитное платье на большом кринолине из тафты селадонового (нежно зеленого) цвета с грифом *Worth & Boberg* (1857–1871). Именно Чарльзу Фредерику Ворту пришла впервые идея печатать золотыми буквами имя и адрес Дома моды на сантюре – внутреннем пояске корсажа платья, что положило основу брендомании, живой и по сей день. Во всем мире именно это считается началом Высокой моды как таковой. Также открытием Ворта была подгонка орнамента шелковой ткани, из которой шилось платье, по рисунку. Ему же принадлежит идея показывать готовые модели на манекене из папье-маше работы *Guerre-Lavigne*, что явилось сенсационной новинкой в те годы.

Вскоре Боберг уехал в Швецию, где у него родилась дочь, оставив Ворту свою часть Дома, и Чарльз Фредерик стал единовластным его владельцем. Модели Дома пользовались успехом, но не имели широкой популярности. Все решил один случай. У дверей его ателье остановилась карета дипломатического корпуса с Австро-Венгерскими гербами на дверях.

Оттуда выпорхнула очаровательная модница Второй империи, принцесса Полина фон Миттерних, супруга посланника Австро-Венгерской империи при французском дворе. Принцесса была воплощением очарования и заказала у Ворта в срочном порядке бальное платье для предстоящего бала у Императрицы Евгении в несуществующем ныне дворце Тюильри. Ворт выполнил заказ, и как позднее писала в своих воспоминания принцесса: «Платье было очаровательным, но, увы, более никогда, его платья мне так дешево не доставались». Платье принцессы фон Миттерних, ближайшей подруги Императрицы Евгении, из тюля и букетиков цветов был настолько изящным и удивительным, что привлек внимание зоркого взгляда Ее Величества, которая, осведомившись об авторе сего наряда, попросила Ворта наутро во дворец. По материнской линии Императрица Евгения была ирландкой, прекрасно говорила по-английски и быстро нашла с Вортом общий язык. Вскоре Евгения сделала его Придворным поставщиком и принялась заказывать большое количество бальных, повседневных и парадных туалетов. Так как Ворт сам не рисовал, он пользовался заготовленными гравюрами с женскими фигурками, к ним дорисовывал линии платьев по своей творческой фантазии. Несколько альбомов с такими рабочими рисунками хранятся теперь в Лондонском музее Виктории и Альберта. Но кроме этого, кутюрье не брезговал приобретать уже готовые эскизы у различных художников-иллюстраторов, например, у Палетт, чьи зарисовки для Ворта из моей коллекции мы публикуем в этом издании.

А фантазия Ворта была необыкновенно современной для своего времени. Он украшал бальный кринолин телеграфными проводами по подолу с миниатюрными ласточками, сидящими на них; изображал на кринолине паровоз – символ прогресса в середине XIX века; прикреплял к платью гнездышки птиц; создал невероятное маскарадное платье из перьев павлина, эскиз к которому вы можете видеть на обложке этой замечательной книги.

По настоятельному требованию Императора Наполеона III Ворт отдавал предпочтение исключительно тканям французского происхождения – лионским шелкам и эфемерному шелковому тюлю, десятки метров которого требовались для изготовления его невесомых бальных шедевров. Как выглядели эти платья, нам дает представление галерея портретной живописи кисти излюбленного художника Второй империи, Франца Ксавера Винтерхальтера. Поначалу Императрица Евгения противилась большому количеству тканей и драпировок на своих платьях, сетуя на сходство «с занавесками дворца», но позднее доверилась Ворту, что сделало ее иконой стиля XIX века.

Как только Императрица стала отшиваться у Ворта, к нему потянулась вереница придворных дам, аристократок, жен промышленных магнатов и даже кокоток, которым изобиловал Париж в то время. Сам кутюрье установил себе за правило приезжать на примерки только к Ее Величеству, а все другие дамы должны были сами приезжать к нему в Дом моды.

Но что делать? У Ворта не было конкурентов, и желание одеться у самого прославленного метра моды было очень велико.

Современницы все же вспоминают его не очень ласково. Он часто приходил на примерки сердитым и не выспавшимся, с красным лицом, не отличался обходительностью, на ходу сочинял модель и никогда не слушал комментариев заказчиц. Он и только он точно знал, что им подойдет – стиль, крой, цвет.

Чарльз Фредерик Ворт представлял собой тип модельера-тирана, великолепного коммерсанта, попавшего в идеальный город в нужное время. До него большинство портных были женщинами, и появление Ворта стало настоящей сенсацией. По характеру своих работ Ворт был пассеистом[11]. С большим усердием он собирал гравюры моды XVII–XVIII веков, образцы тканей и впоследствии построил на честно заработанные средства особняк в предместье Парижа, где испробовал себя и в качестве создателя интерьеров. Модельер провозгла-

[11] Человек, обращенный в прошлое, воспевающий его.

шал драпировочно-обивочный стиль: портьеры с ламбрекенами, козетками, оттоманками; кресла на двоих «дозадо»; круглые диваны «пате» под кринолины и канапе «сиамские близнецы»; изогнутые банкетки тет-а-тет; драпированные и украшенные помпонами пуфики и «андискреты» – сложные, похожие на медуз, кресла на троих гостей; модная мягкая мебель «капитоне», типичная для середины и второй половины XIX века.

Европейской, а затем и мировой славе Ворта очень способствовали экономический прогресс и промышленная революция, которые позволили ему брать заказы по почте из-за рубежа и отправлять готовые изделия на пароходах и поездах. Эта вакханалия роскоши и люкса, ставшая отличительной чертой правления Наполеона III, была прервана Франко-прусской войной, блокадой Парижа и Парижской коммуной. Император был низвергнут, а главная заказчица Ворта, Императрица Евгения вместе с наследником престола удалилась в изгнание в Англию. Кутюрье на время закрыл свой Дом моды, но, когда была провозглашена Третья республика, в 1871 году он снова открылся, и Ворт был удивлен обилием заказов, которые последовали уже не от придворных, а от нуворишей и их жен, разбогатевшей буржуазии. С тех пор на сантюре его моделей исчезло имя Боберга, и все наряды были подписаны исключительно его собственным именем – *Worth*.

В 1875 году в Доме отца начал работать его девятнадцатилетний сын, автор этих воспоминаний – Жан Филипп Ворт (1856–1926). Он проявил себя очень способным юношей и стал прекрасным продолжателем семейного дела. Его старший брат Гастон Люсьен (1853–1924) занимался финансами Дома и оказался талантливым организатором.

Но нежной дружбы с Императрицей Ворт не прервал и после свержения монархии. Раз в год он посылал ей в изгнание свою новую модель вместе с букетиком парижских фиалок, которые она так любила. Вот пример достойной преданности к своей первой коронованной заказчице, принесшей славу его Дому. Отправляясь в Англию, Императрица впопыхах не взяла ничего из нарядов, позднее их спасла от коммунаров принцесса Полина фон Миттерних, собрав из гардеробной низвергнутой Императрицы все последние платья от Ворта и отправив их с дипломатической почтой на Альбион.

Еще в конце 1860-х годов уменьшив кринолин в объеме, очень неудобный в купе поезда, конке и омнибусе, Ворт предложил драпированный турнюр, который со многими модификациями с его легкой руки продержался в моде целых двадцать лет, до конца 1880-х годов. Новые изменения силуэта в женских платьях были приняты за аксиому во всем мире, и у кутюрье стали появляться первые крупные конкуренты. Недалеко от рю де ла Пэ открыл свой Дом моды модельер Эмиль Панга.

Он откровенно копировал Ворта, но использовал более дешевые и стойкие материалы. Удивительно, но именно благодаря этому, модели от Панга сохранились во многих коллекциях, в то время как бальные платья из эфемерного шелкового тюля от Ворта полностью истлели и рассыпались в прах. Это же произошло и с его прекрасными изделиями из прозрачного шелкового муслина, бенгалина и фуляра – самых тонких шелковых материй той эпохи. Благодаря стараниям Ворта, лионские шелковые мануфактуры удвоили свое производство и оборот в те годы. Распространению славы его Дома способствовала и пресса. Так, американские издания *Harper's Bazaar* и *New York Herald Tribune* регулярно писали о Доме Ворта, как о самом знаменитом и первоклассном того времени в Париже. У Ворта были тесные связи со всеми королевскими и императорскими дворами Европы. Даже королева Виктория тайком носила платья от Ворта, покупая их через английских модисток. Особенно кутюрье любил одевать русский двор и гордился тем, что создавал модели для трех русских императриц – Марии Александровны, Марии Федоровны и Александры Федоровны. Они, естественно, не приезжали на примерки, но по существующим меркам в ателье был изготовлен манекен, и на нем отмерялись многочисленные заказы императриц и поездом отсылались из Парижа в Петербург в больших дорожных кофрах от *Louis Vuitton*. В коллекции Государ-

ственного Эрмитажа хранятся несколько платьев от Ворта из гардероба Императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны. Даже после кончины Чарльза Фредерика Ворта Дом моды, руководимый в начале XX столетия его двумя сыновьями, продолжал обшивать русских клиенток. У них одевались княгиня Ольга Валериановна Палей, княгиня Мария Щербатова, урожденная Строганова, и многие другие. В своих воспоминаниях «Одевая эпоху», изданных в этой же серии издательством «Этерна», Поль Пуаре пишет об одной из самых богатых клиенток Ворта – княгине Барятинской, перед появлением которой трепетал весь Дом!

В книге воспоминаний Жана Филиппа Ворта, изданной в Париже в конце 1920-х годов, много места уделено маскарадным костюмам, детально описываются характеры клиенток, количество заказов. Начиная с 1897 года, идя в ногу со временем, Дом стал принимать заказы по телефону и по почте.

Именно в этом году открылся филиал Дома Ворта в Лондоне, который в 1902 году перерос в самостоятельный Дом моды по адресу *New Burlington street*, дом 4. Репутация Жана Филиппа была настолько безупречной, что он стал первым президентом парижского Синдиката Высокой моды и получил в 1901 году Орден Почетного Легиона за участие Дома Ворта во Всемирной выставке в Париже. Оборот Дома в эти годы был очень значительным: производилось несколько десятков тысяч изделий в год с товарооборотом в пять миллионов франков, в то время как основной капитал Дома Ворта составлял пятьсот миллионов золотых франков!

Начиная с 1910-х годов, Жан Филипп привлек на работу своих племянников – Жака и Жан-Шарля. Дом моды Ворта был на пике популярности до Первой мировой войны. В моей личной коллекции есть несколько платьев от Ворта в стиле модерн из гардероба графини Строгановой и других изысканных женщин. Их отличают тонкая работа с бисером и стеклярусом, сложный крой. В эпоху Первой мировой войны Дом Ворта даже открыл филиал в Нью-Йорке и неплохо продавал там бальные платья. Но в 1920-е годы заметно возросла конкуренция с другими Домами моды – Поля Пуаре, Жанны Ланвен, Мадлен Вионне, Габриель Шанель, Жана Пату, Люсьена Лелонга и других корифеев Высокой парижской моды. Но все же платья от Ворта постоянно публиковались на страницах лучших модных журналов. Именно тогда в Дом моды Ворта пришли известные русские манекенщицы – сестры Гобиевы; Кира Середа, урожденная баронесса фон Медем; Женя Горленко, в замужестве виконтесса де Кастекс; и другие русские красавицы из среды русской эмиграции.

Великая депрессия подкосила бизнес многих старых домов моды Парижа. Дом Ворта не стал исключением. Финансовые трудности заставили руководство продать здание на рю де ла Пэ. В 1937 году Дом переехал по другому адресу – *rue du Faubourg Saint Honore*, дом 120. Модели Дома, выполненные в 1930 – 1940-е годы, были все также элегантны.

Моделисткой у Ворта стала Элизабет Шамкоммюналь, владевшая в начале 1930-х небольшим модным Домом в Париже. Но качество работы все же изменилось: уровень шитья, обработка швов, подкладки, да и сам гриф *Worth* видоизменился – стал меньше размером, но под ним все еще писали карандашом на ленточке-больдюке порядковый номер модели от-кутюр.

В моей коллекции есть около дюжины интересных платьев от Ворта разных периодов, но поздние творения Дома скорее подражают глобальной моде, чем диктуют ее. Для привлечения других, менее обеспеченных или разорившихся во время кризиса клиентов, Дом Ворта начинает выпускать фирменные сумочки, духи, пудру и помаду. Косметические средства от *Worth* стали теперь предметом активного собирательства среди коллекционеров парфюмерии. Самыми знаменитыми их духами, выпускавшихся до 1980-х годов, были безусловно *«Je reviens»* («Я вернусь»), любимые духи русской прима-балерины и бродвейской звезды Галины Пановой-Рагозиной.

Журналы 1920 – 1930-х годов изобилуют рекламными страницами этого знаменитого Дому моды. Многие из этих редких реклам мы публикуем в нашем издании.

В послевоенное время стал необыкновенно популярен стиль Нью Лук, явившийся в свою очередь поздним эхом вортовских кринолинов сто лет спустя. Не имея четкой художественной концепции, Дом Ворта угасал. После войны руководством Дома занимались еще одни наследники – Роже и Морис. В 1952 году Дом Ворта был объявлен банкротом и в 1954-м куплен одним из его старых конкурентов – Домом Пакен, основанным в 1891 году и сам дышавший на ладан.

Сохранилось немало вечерних и коктейльных платьев из атласа и тюля в стиле Нью Лук работы Дома Ворта с пометкой «Лондон». Дом Ворта был окончательно закрыт в 1956 году, но в Англии под этим грифом стали выпускаться мужские галстуки, рубашки, лосьоны для бритья и даже туалетное мыло. Новое английское руководство приобрело и все старинные архивы этого прославленного Дома, первого Дома Высокой моды в истории, и передала большую их часть в музей Виктории и Альберта. Правнуки Ворта по-прежнему живут в Париже и тоже владеют небольшим семейным архивом. Я впервые познакомился с этим раритетным изданием в 1989 году в Шотландии, в Школе Искусств имени Макинтоша в Глазго, где в те годы преподавал историю моды на английском языке. Мне, как преподавателю, была доступна библиотека, и книга Ворта произвела на меня просто неизгладимое впечатление. Я мечтал издать ее на русском языке на Родине, лишенной долгое время такой литературы. Как были бы рады отечественные историки моды, которых, благодаря нашей серии книг, становится все больше! Как бы возрадовались музейные работники, коллекционеры, блогеры из мира моды, журналисты! И вот, свершилось! Я воображаю, сколько курсовых работ и диссертаций будет написано по этой книге, сколько лекций прочитано и сколько телефильмов будет снято! Прекрасно, что благодаря книгам, выставкам, телепрограммам, журнальным публикациям история моды стала невероятно популярна и востребована. И Дом Ворта будет вновь в центре этого интереса.

Я хочу поблагодарить издательство «Этерна» и его главного редактора Нину Комарову за благородный труд в деле пропаганды истории моды среди русскоязычного населения и пожелать новых успешных и нужных книг!

Александр Васильев,
истории моды, телеведущий,
Москва – Париж, 2013

Предисловие

Жан Филипп Ворт, написавший эту книгу, хотел оставить письменное свидетельство участия его отца, Чарльза Фредерика Ворта, и своего собственного в развитии моды в течение последних ста лет. Он не имел намерения рассказать о своей частной жизни или каких бы то ни было сплетнях о клиентах, избегая всякой «портретности», как это называется у парижан. В наши дни, когда столь распространены биографии-исповеди, эта сдержанность вызывает уважение.

Ведущий кутюрье своего времени имел свои представления о пошиве одежды и свою концепцию моды, полагая, что для всякой моды следует принимать во внимание время, место, возраст и уместность. По его мнению, величайший недостаток в современной моде заключается в том, что она не удовлетворяет этим требованиям.

Дом Ворта спонсировал множество новшеств, от кринолина до прямых линий переда платья, но господин Ворт признался мне, что он не верит, что мода обязательно улучшает женскую красоту, и что он иногда вводил крайние проявления моды по принуждению.

Жан Филипп Ворт был человеком огромного достоинства, художником, знатоком и ценителем редких и прекрасных вещей. Его дом на авеню Эмиль Дешанель, где я беседовала с ним об этой книге, был полон коллекциями мебели, картин и фарфора. Дж. П. Морган[12], который привез своих женщин в Дом Ворта, чтобы заказать им одежду, был другом господина Ворта и хотел купить этот дом вместе с его содержимым.

Подобно многим чувствительным и интуитивным характерам, Ж. Ф. Ворту было приятно думать, что его внешний вид внушает робость, а тяжелые черты лица и взгляд сквозь огромные очки вызывают страх, что все, начиная от герцогинь до мидинеток[13], дрожат при его приближении. На самом деле все, от слепого, которого он содержал, до знатных дам, кому он создавал восхитительные платья, – обожали его, потому что в нем жил «послушный ребенок».

Подростком Жан Филипп мечтал стать художником и, хотя забросил холст и краски, всю жизнь создавал картины из тканей, кружев и драгоценностей. Каждое его произведение было настоящим предметом искусства, как будто было написано в цвете, а не в мягких и мерцающих материалах. Очень жаль, что он не дожил до появления этой книги – последнее произведение закончено. Он умер в декабре 1926 года, когда книга еще находилась в процессе перевода. Когда умер Жан Филипп Ворт, на Париж опустилась тьма, и склонные к драматизированию парижане утверждали, что это затмение было символичным. Быть может, так оно и было.

Рут Скотт Миллер,
15 июня 1928 года

---

[12] Морган, Джон Пирпонт (1837–1913) – американский предприниматель, банкир и финансист. – *Здесь и далее прим. ред.*

[13] Молодые парижские портнихи.

Глава 1
Парень из Линкольншира

Более шестидесяти лет я был увлеченным зрителем нескончаемой драмы, главным действующим лицом которой была Мода. Когда я впервые встретился с ней, эта героиня появилась на сцене в роли наивной портнихи. Она знала атлас как разновидность люстрина[14], используемого в оформлении коробок для конфет и обтяжки пуговиц, но не знала, что эту красоту можно смять и превратить в пышный бант. Теперь Мода, эта капризная богиня, легким шагом проходит перед рампой, не обращая внимания на искусство, ведо́мая случаем или чаще всего, как назвал Эдгар Аллан По[15], человеческой – чтобы не сказать женской – испорченностью. Ее главная цель: «Я должна иметь что-нибудь новое!»

Индустрии производства одежды еще нет и ста лет. Лишь через некоторое время после революции 1848 года люди пожелали иметь более элегантные наряды, и их воображение пробудилось к восприятию грации и красоты, скрывающейся в рулоне ткани. Этим пробуждением они были обязаны кутюрье, которые вдохнули в свое ремесло новую жизнь, свежие идеи и чаяния.

А до этого времени перемена стилей от года к году была едва заметна. В рукава, лифы и юбки не добавлялось ни новой линии, ни новых оборок, платье носилось годами и никогда не выходило из моды. Но в начале второй половины XIX века революционно изменились не только манера ношения одежды, но и сам материал и процессы производства тканей. И эта метаморфоза, если мне будет дозволено сказать не без гордости, произошла при энергичном и упорном руководстве и стимулировании моего отца – Чарльза Фредерика Ворта[16].

Более подробный рассказ об этом деспотичном гении, который был моим добрым отцом и одновременно обожаемым кумиром, как мне кажется, даст полный ответ на вопрос: «Как случилось, что вы, который учился у Коро[17] и мог бы быть художником, стали кутюрье?» Будет недостаточно сказать, что я выбрал эту профессию из любви к отцу, хотя это чистая правда. Желание стать художником, к чему у меня были наклонности, осталось неосуществленным. Скрытые амбиции, думаю, возникли у меня, несомненно, благодаря обучению у великого мастера, чьей кисти, среди многих других шедевров, принадлежит «Танец нимф»[18].

Чарльз Фредерик Ворт родился 13 ноября 1826 года в Боурне, графство Линкольншир, Англия. Его отец был юристом, а мать – благородной дамой, рожденной в Куинси. К несчастью, мой дед по отцовской линии отнесся к своему семейному долгу легкомысленно и по прошествии нескольких лет обрек свою жену и троих детей на лишения, проиграв все свое состояние. Из всех детей старшему повезло больше всех. Достигнув взрослого возраста еще

---

[14] Тонкая шерстяная и полушерстяная ткань, путем специальной обработки приобретает блестящую, глянцевую поверхность.

[15] По, Эдгар Аллан (1809–1849) – американский писатель, поэт, литературный критик, представитель американского романтизма. Наибольшую известность получил за свои «мрачные» рассказы. Он создал форму современного детектива. Его творчество способствовало появлению жанра научной фантастики.

[16] Ворт, Чарльз Фредерик (1826–1895) – французский модельер XIX века, первый всемирно известный дизайнер, создатель мод *Haute Couture.* Одевал самых богатых и влиятельных женщин своего времени: представительниц королевских династий и жен американских миллионеров. Ворту принадлежат немало изобретений в сфере модного бизнеса. Первым использовал манекенщиц для примерок, в 1868 году создал Синдикат Высокой моды, объединивший салоны, где одевались высшие круги общества.

[17] Коро, Жан Батист Камиль (1796–1875) – французский художник и гравер, один из самых успешных и плодовитых пейзажистов эпохи романтизма, оказавший большое влияние на импрессионистов.

[18] Картина Камиля Коро.

до разорения отца, он получил отличное образование, что дало ему возможность стать юристом и пользоваться прекраснейшими преимуществами, которые в начале 1800-х годов полагались юноше, воспитанному как джентльмен. Дочь умерла в детстве, и остался младший сын – Чарльз Фредерик, именно ему пришлось переносить последствия легкомысленности своего отца. Чарльзу Фредерику было всего одиннадцать лет, когда ему пришлось бросить школу и начать зарабатывать на жизнь. Кто был знаком с ним в более поздние годы и восхищался его шармом, уравновешенностью и блестящим талантом вести беседу, с трудом могли поверить, что этот человек, чьи познания в области искусства, литературы и красоты казались неисчерпаемыми и чей безупречный вкус устанавливал портновские стандарты во всем мире, после одиннадцати лет не учился в школе и практически был самоучкой.

Мать Чарльза Фредерика Ворта, дагерротип, 1850

Его первой работой после ухода из школы была типография; это место нашла ему мать, которой самой пришлось наступить на свою гордость благородной дамы – леди, как говорили раньше, – и стать экономкой в доме своей богатой родни. Мой отец никогда не думал о своих собственных трудностях и тяжелом детстве, но так и не смирился с унижением матери и не простил моего деда, допустившего это. Даже по прошествии многих лет, помогая материально этому расточителю, он отказывался встретиться с ним или просто увидеться. После того как Чарльз Фредерик проработал в типографии двенадцать месяцев, он пришел к моей бабушке и сказал: «Мама, я больше не могу оставаться на этом месте. Если я оттуда не уйду,

то умру. Я ненавижу эту работу, эту жизнь и все, что с этим связано. Я не собираюсь становиться печатником. Пожалуйста, разреши мне уйти с этой работы и уехать в Лондон. Я пойду в какой-нибудь магазин, в *«Lewis and Allenby»* или любой другой, где повезет. Пожалуйста». Моя бабушка устало улыбнулась и сказала: «Я подумаю». Позднее, с помощью каких-то родственников, она устроила его в торговый дом *«Lewis and Allenby»* в Лондоне, и, чтобы приехать на новую работу, молодой человек двенадцати лет совершил свое первое путешествие по Темзе.

Он так хорошо использовал предоставленные Лондоном возможности, что, когда ему было всего тринадцать лет – представьте себе, – он получил повышение в должности и стал кассиром всего торгового дома. К тому же его рвение, желание и кроткие манеры помогли получить разрешение господина Алленби изучать данные предприятия, связанные с продажами, а также ткани, материалы, шали и готовые платья, изготовленные из них.

Каждый момент, не занятый работой у Алленби, он проводил в музеях и художественных галереях, изучая шедевры живописи. Картины, где персонажи щеголяли в детально разработанных костюмах, интересовали его более всего. В особенности один портрет королевы Елизаветы в бархатном платье, вышитом рисунком, состоящим из глаз и ушей: это означало, что она все видит и слышит, – именно этот узор стал любовью всей его жизни (*см.* первую вклейку, с. 1). Несмотря на молодость, он понимал смысл странного рисунка и был настолько поражен его причудливой символикой и роскошью бархата, что воскликнул, даже не мечтая, что это может осуществиться: «Если я когда-нибудь стану богатым, я закажу его копию. Я сделаю материю с таким же рисунком “глазками и ушками”». К концу своего ученичества в качестве продавца и клерка Чарльз Фредерик поработал во многих магазинах Лондона, в том числе в *«Swan and Edgar»* на углу Пикадилли. Наконец он почувствовал в себе силы подумать о своей карьере. И с благословения и с помощью матери, которая скопила небольшую сумму денег, данных родственниками на это смелое предприятие, мой отец покинул Лондон и поехал в Париж. Ему тогда не было и двадцати лет.

Несмотря на то что его спонсоры были весьма богаты, выделенная сумма была столь мала, что, когда молодой человек приехал в Париж, даже после самой строгой экономии в кармане осталось всего сто семнадцать франков – в это время это было около двадцати пяти долларов. Нужна большая смелость приехать завоевывать Париж со ста семнадцатью франками, не зная ни одного слова по-французски!

Однако Чарльз Фредерик вскоре нашел место в маленьком магазине тканей – был ли это *«Ville de Paris»* или другой, я не уверен. Это была хорошая фирма, одна из лучших по тому времени, хотя и не сравнимая с теперешними торговыми домами, как *«Galeries Lafayette*», чей оборот исчисляется миллионами. Тем не менее именно в этом магазине произошло удивительное событие, взбудоражившее его унылые будни. Вдове прежнего владельца удалось выдать замуж свою дочь за человека безупречного положения. И хотя брак дочери владельца магазина с аристократом вовсе не считался таким уж скандальным фактом, но стал кратковременной сенсацией. В магазине, отмеченном этим мезальянсом, отец начал работать и днем и ночью. Приходя туда к восьми часам утра, он снимал свое изящное пальто и шляпу, надевал старый жакет и подметал помещение. Покончив с этим, он протирал полки и наводил на них порядок, снова надевал свою изящную одежду и стоял, безупречно опрятный, готовый с девяти часов принимать покупателей. В восемь часов вечера его работа заканчивалась, и молодой человек был свободен, развлекал себя, изучал очаровательный штат магазина, продолжал свое образование, и, если оставалось время, спал. Двенадцатичасовой рабочий день! Представьте себе крик ужаса современного клерка при таком рабочем дне!

Некоторое время отец работал в этом торговом доме, а затем перешел в фирму *«Maison Gagelin»*, знаменитую в то время и располагавшуюся на улице Ришелье. Это был первый

торговый дом, который занимался кашемировыми шалями и готовыми пальто, и именно там Чарльз Фредерик начал свою работу, готовя революцию в моде.

Чтобы понять всю грандиозность этой задачи, необходимо знать, что собой представляла индустрия изготовления одежды в 1850-е годы, когда линкольнширский парень стал служащим у Гажлена. По правде говоря, как промышленность, или отрасль деятельности, или вообще занятие, достойное иметь название, она просто не существовала. В середине XIX века, если кто-то желал сшить пальто, он покупал материал в каком-нибудь торговом доме, вроде *«Maison Gagelin»*, нес его к портнихе и заказывал пальто по образцу того, которое носил последние десять лет, ставил подкладку из старого платья, и проблема пальто была решена на следующие четыре или пять лет. Во времена юности моего отца это называлось изготовлением одежды «на заказ» или, как теперь иногда говорят «высоким штилем», «искусством дизайна костюма».

Тогда о тонких, нарядных материалах и речи быть не могло, в особенности о парче или жаккардовых тканях. Все костюмы были изготовлены из простой ткани, обычно оттенков синего, черного, коричневого или красного цветов. Отделки, которые теперь используют, были неизвестны. Какому-нибудь клиенту или портнихе никогда не приходило в голову, что немного фестонов, сборок или гагатовой пряжки достаточно, чтобы нарушить однообразие обычного кроя. Мода была шаблонной и избитой. А поскольку портниха заботилась лишь о том, чтобы изготовить платье как можно быстрее, покрой был не только небрежным и лишенным элегантности, но порой от него хотелось плакать.

Выгода от такой работы была до смешного мала. Из-за конкуренции цены домашнего пошива были очень невелики. Поскольку не было ни фасонов, ни идей для привлечения заказчиков, низкая цена была единственным способом, в чем бедные портнихи могли превзойти друг друга, пока, в конце концов, чистые доходы модисток, многие из которых работали самостоятельно или с небольшим числом помощниц, достигали нулевой отметки.

Торговля экспортными товарами находилась в еще более жалком состоянии. Вместо того чтобы планировать заранее и закупать большой запас ткани, заведения экспортировали, быть может, дюжину моделей в год – таких похожих друг на друга, что поразительно, как покупатели могли их различать. Фирмы закупали материалы по мере надобности изо дня в день у таких предприятий, где работал мой отец. И порой модели на экспорт были так небрежно скроены – портные рассчитывали на то, что их вывезут из страны! – так плохо сшиты из самых обыкновенных тканей и имели настолько банальные фасоны, что в наши дни редко кто захотел бы показаться в них. Как легко можно себе представить, прикрытие человеческой наготы не стало изящным искусством в дни, когда мой отец впервые появился у Гажлена.

Даже реклама наиболее известных кутюрье того времени отличалась тем же отсутствием инициативы, что и вся индустрия в целом. Крупнейшие из них просто констатировали: «Мадемуазель Фове, ученица м-ме Викторины Пьерар и м-ме Росколь, портниха придворной и городской одежды, отправляет все предметы, сопутствующие женской одежде, в провинцию и за границу».

Так выглядели платья в начале XIX века

А вот другая реклама, заимствованная из Альманаха Боттен (выпуск за 1850 год, с. 693): «М-ме Роджер & Ко, женская портниха. Единственный дом в Париже, где можно найти готовое платье для женщин и детей. 26, ул. Националь, Сен-Мартен». Несомненно, настало время для революции в портновском деле! Первый шаг к такой долгожданной перемене был сделан женщиной. М-м Роджер, женской портнихе из приведенного выше объявления, пришла в голову достаточно простая мысль – не только шить платья, но и поставлять материал и таким образом получать прибыль от розничной торговли материалом. Однако ее идея не пошла дальше покупки материала оптом у тех фирм, чьи предложения были для нее выгоднее, и продажи его в розницу своим клиентам. Ей никогда не приходило в голову изменить или полностью отступить от привычной модели с плотно прилегающим лифом и объемистой юбкой, в которых материал и его метраж не изменялись годами. В то время как мадам Роджер занималась своей скромной реформой, отец стал ценным работником у Гажлена и встретил там мою будущую мать. Она тогда работала в должности «девушки в магазине»: слова «манекен», «манекенщица» тогда еще не придумали, и даже если бы они и были, то считались бы оскорбительными. Семейные неудачи, такие же, как и у моего отца, заставили ее зарабатывать себе на жизнь. И почти так же, как в семье отца, где старший брат воспользовался годами семейного процветания, у моей матери была старшая сестра, до наступления семейных неприятностей успевшая выйти замуж за архитектора – ученика Виоле-ле-Дюка[19], который отвечал за большинство работ в соборах Эвре, Тулузы, Реймса и других местах. Отцом этих двух сестер, везучей и невезучей, был сборщик налогов Оверни. Обязанности матери у Гажлена были похожи на работу современной манекенщицы. Она носила шали, пальто и платья, чтобы потенциальные покупатели могли посмотреть и решить, подходят ли они им. В этом она исключительно преуспевала не только потому, что была грациозна и красива, умела двигаться и носить вещи, но и потому, что была наделена огромным обаянием и умела улыбаться.

Основной работой моего отца было продавать модели, которые она демонстрировала, и таким образом весь долгий рабочий день они проводили вместе. Даже в самом начале они служили прекрасным дополнением друг другу и как команда были бесценны для Гажлена. Редкий покупатель не поддавался их молодости и заразительному энтузиазму.

[19] Виолле-ле-Дюк, Эжен Эммануэль (1814–1879) – французский архитектор, реставратор, искусствовед и историк архитектуры, идеолог неоготики.

Привычный тип платья, когда Чарльз Фредерик Ворт начал свою творческую деятельность

Тем не менее иногда даже ее любезность или продуманное мастерство отца не могли повлиять на клиента в принятии нужного решения. Когда это случалось, отец всегда прибегал к маленькой хитрости, безобидной, но чрезвычайно эффективной. В наши дни это, наверно, можно было бы назвать примером прикладной психологии. После того как вся коллекция была показана и мама, перемерив все шали, чуть не падала от усталости, отец внезапно останавливался, смотрел задумчиво на свою жертву, а затем бормотал как бы себе под нос: «У меня есть замечательная шаль, совершенный шедевр, но я не знаю, устроит ли вас столь высокая цена». После этого клиент, сильно разгневанный, что продавец считает его не способным заплатить любую цену, обязательно просил показать эту шаль немедленно. Тогда отец принимался суетиться в поисках нужной шали, брал ту, которая была показана среди первых, драпировал ею плечи матери немного отличным образом и показывал своей жертве великолепным жестом почтения и торжества.

Потенциальный покупатель смотрел на нее, слегка наклонял в сторону голову с видом знатока и затем восклицал: «Теперь это похоже на то, что мне надо. Именно то, что я искал. Почему вы не показали мне ее сразу, вместо всей этой чепухи?» Такая хитрость была простительна, ведь когда человек смотрит на большое количество предметов, картин или одежды, или красивых женщин, способность улавливать разницу пропадает, и все они кажутся одинаковыми. Прибегая к такой хитрости, отец помогал клиентам принять решение. Со временем

отец стал компаньоном фирмы *«Gagelin et Opige»*, последний был родственником Гажлена. Чарльз Фредерик женился на «девушке из магазина», которая носила шали так прекрасно и улыбалась так очаровательно. После того как они поженились, он еще больше проникся любовью к ней и не мог остановиться, чтобы не дарить ей красивые вещи. И отец начал делать эскизы прекрасных платьев на ее фигуру и очаровательных шляпок, чтобы обрамлять ее милое лицо. Он создавал их у Гажлена и сам руководил примерками. И когда люди видели их на ней в магазине, они восклицали: «О, мадам Ворт, где вы раздобыли это прекрасное платье? Мне необходимо такое же».

Любимый стиль Чарльза Фредерика Ворта

Таким образом, первые модели от Ворта создала сама любовь. После этого неожиданного успеха стало очевидно, что покупатели платьев будут только приветствовать новые фасоны.

Мой отец, вспомнив об успехе мадам Роджер, пришел к своим работодателям и предложил: «Почему у вас нет коллекции готовых платьев, подобной коллекции пальто? Закажите их из муслина в различных стилях. Я уверен, вы найдете покупателей для них. Вы уже продаете ткани и оптом и в розницу, почему бы не последовать примеру мадам Роджер и не превратить их в готовую продукцию? Почему бы вам не создать отдел изготовления платьев и получить тройную прибыль, а именно от оптовой и розничной торговли плюс изготовление одежды?» Но Гажлена и Опижа брала оторопь от одной мысли превратить их почтенный торговый дом в отдел по изготовлению платьев, и некоторое время они отказывались даже обсуждать подобное предложение. Но постепенно отец одержал верх и получил разрешение изготовить несколько моделей платьев и пальто из муслина.

Проектируя последние, он отказался от моделей пальто, бывших тогда в моде, и разработал дизайн каждого манто с учетом материала, из которого оно будет сшито. Если этим материалом был бархат, он использовал одну выкройку, если шерсть – другую. Одним из первых его изменений был крой рукава: он должен был не только улучшить женский силуэт, но и придать большую свободу движений. Более того, Ворт потребовал от изготовителей тканей из Лиона создать и прислать ему материалы, больше отвечавшие нуждам и назначению повседневной жизни, чем неизбежный кашемир.

Мадам Ворт, супруга модельера, ок. 1860 года

Новые модели принесли ему такой успех, что Гажлен вскоре позволил ему создать большой отдел, полностью предназначенный для изготовления платьев. Важной особенностью этого эксперимента был зал продаж, предшественник современного салона кутюрье, куда могли приходить заграничные покупатели, рассматривать и заказывать из коллекции модели, задуманные, а затем изготовленные для каждого вида материи, таких как шелк или

газ, бархат и шерсть, отделанные известными к тому времени материалами – галуном, басоном, бисером; отец использовал это ежедневно и многообразно.

Придумывая свои платья, Ворт следовал тому же методу, который оказался столь успешным при изготовлении манто и плащей. Он изучал женскую фигуру и понимал, как лучше пригнать лиф, при этом следил за направлением нити в ткани для различных частей одежды и кроил либо по прямой, либо по косой так, чтобы складки всегда проходили в направлении главных движений тела, что придавало фигуре максимум элегантности. Он убеждал женщин броской внешности и с ярким характером носить новые фасоны, и вскоре они стали популярными, женщины их приняли.

В создании нового стиля мадам Ворт была главным союзником отца, хотя иногда делала это неохотно. Единственные разногласия, когда-либо случавшиеся в их счастливой семейной жизни, были тогда, когда мой отец просил жену надеть что-нибудь новое. Для женщин, каждая из которых в дальнейшем заплатила бы любую цену, чтобы сам Ворт создал для нее платье, позиция матери показалась бы необъяснимой. Но для чувствительной мамы с ее застенчивостью и боязнью оказаться смешной подобная честь приносила лишь внутренние муки. И мой бедный отец всегда выдерживал ожесточенную схватку со слезами и упреками, чтобы убедить ее надеть новую модель, созданную для нее. Это вовсе не означало, что она не любила новых вещей, но представлять их должен был кто-нибудь другой. Мать не любила, так сказать, вводить новые модели. Императрица Евгения, для которой Ворт создавал платья в течение многих лет, вплоть до ее смерти в изгнании, была точно такая же, и сколько любезных схваток произошло между этой королевой-красавицей и ее кутюрье, которые обычно заканчивались победой отца.

Императрица Евгения. Фото Диздери из коллекции Роми, ок. 1868 года

Но самая известная его стычка с матерью случилась из-за платья, которое он сделал для ежегодного бала, устраиваемого в честь императрицы и ее двора. Высший свет боролся, чтобы получить приглашение на эти балы, всегда исключительные и прекрасные, и мадам Ворт была среди счастливиц, имевших такое приглашение.

Платье, которое мой отец создал для этого случая, было очень красивым, из розового тюля, с очень широкой юбкой, но с ровным и изысканно-простым лифом. Ее талию он обвязал фиолетовым бархатным бантом, а в волосы поместил – и в этом как раз была трагедия! – маленький букетик анютиных глазок. В наши дни такая невинная вещь никакой сенсации не произвела бы, но когда мать увидела себя в зеркале, она начала рыдать, как будто наступил конец света, и причитать: «Я не пойду на бал с этим деревом в волосах!» В начале лета 1856 года мамино отчаяние, вызванное тем, что она пала жертвой непреклонного гения-мужа было на время забыто. Доктор беспокоился из-за ее слабости в течение последних месяцев, строго рекомендовал покинуть Париж – тем летом особенно ужасный – и уехать в Дьепп. Она послушалась, и в приморской деревне, двадцать пятого июля, задолго до положенного срока родился я.

Мадам Ворт в платье покроя без пояса, ок. 1860 года

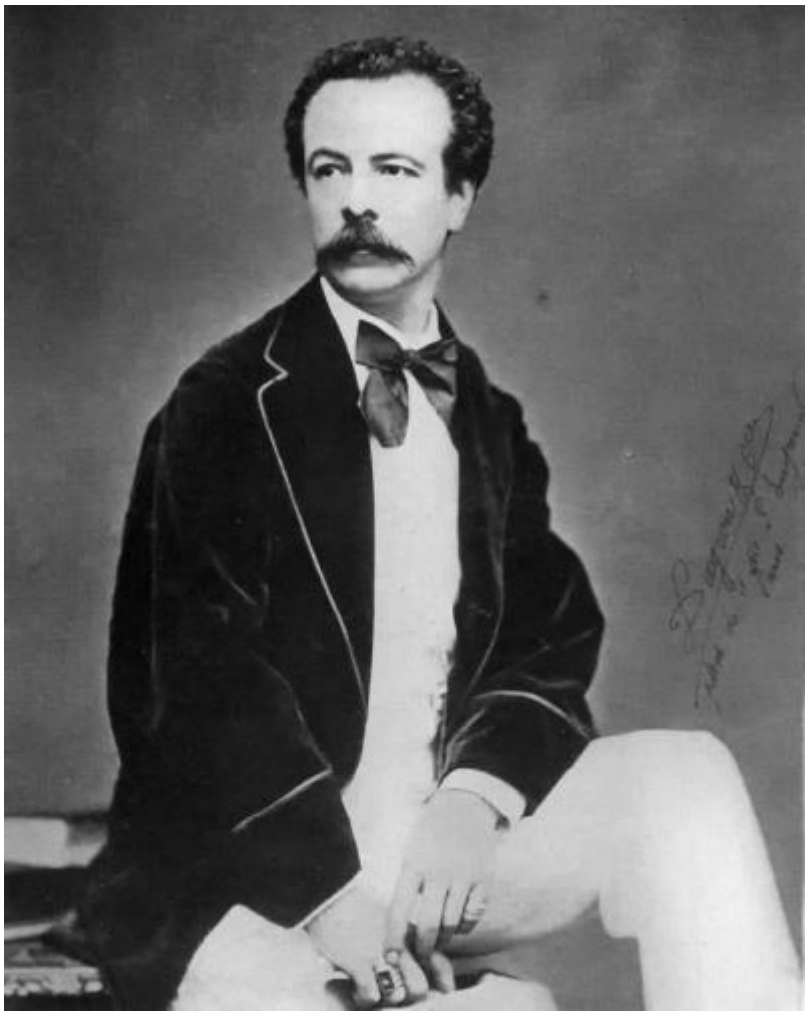
Глава 2
Собственное дело

Когда мне было одиннадцать месяцев от роду, отец прекратил свои отношения с бывшими компаньонами. К такому повороту событий привели недальновидность и гордость его нанимателей. Если бы хозяева Дома Гажлена не были бы такими упрямыми, то пошли бы на какие-нибудь уступки, чтобы сохранить его. Отпустив моего отца, они потеряли самого ценного сотрудника или, как говорят американцы, свою главную ставку.

Мой отец был душой их дела. Каждая новая модель, каждая новая ткань, которые они запустили, возникли благодаря его таланту и прошли через его руки. Торговый отдел предприятия постоянно пользовался предложениями и советами Ворта, его опытом в области психологии. Даже примерки были под наблюдением отца.

При таком количестве обязанностей ему не оставалось ни минуты отдыха. Часто отец был не в состоянии выйти с работы для ланча раньше трех часов дня.

И моя бедная мама безропотно разделяла с ним такую жизнь. Хотя в то время она ждала ребенка, все равно вставала очень рано, чтобы одеться, позавтракать и прийти на работу к восьми часам. С восьми утра до восьми вечера мама работала, ее талия была перетянута, желудок страдал от подгорелого от разогревания мяса с недоваренными овощами. В конце концов, поняв, что ее здоровье ухудшается, она пошла к Гажлену и Опижу и попросила, чтобы ей и мужу разрешили устроить маленькую квартиру в здании, занимаемом магазином, дабы избежать утомительных поездок на работу и обратно и нерегулярного питания. Но господа из руководства компании и слышать не захотели об этом. Никакой сотрудник, неважно насколько ценный, не может жить в служебных помещениях.



Чарльз Фредерик Ворт, Париж, ок. 1864 года

Узнав об этом, Ворт решил, что настало время порвать с Домом Гажлена. Ему стало известно о планах некоего мистера Боберга, молодого человека из Швеции, занимавшего в другом магазине положение, сходное с тем, которое было у отца в Доме Гажлена. Я думаю, тот магазин назывался *«La ville de Lyons»*. Отец разыскал этого человека. Оказалось, что мистер Боберг имел небольшие собственные средства и смог, к счастью, добиться помощи родственников и раздобыть еще больше.

Два молодых человека, обладавшие храбростью и дальновидностью, взяли эту небольшую сумму, оборвали связи со своими прежними работодателями и сняли квартиру на первом этаже дома № 7 на известной рю де ла Пэ.

Улица рю де ла Пэ, главная улица парижской моды, ок. 1900 года

Когда отец открыл это скромное заведение – первое на этой оживленной улице, – рю де ла Пэ была столь же пустынной, как авеню Мессен ныне. Это была улица частных домов, и казалось абсурдным селиться на ней с коммерческими целями. Опера́ еще не была построена, и все подобные портновские заведения были на улице Ришелье или на Шоссе-д'Антен, а ювелиры в то время располагались на Пале-Рояль. Но как только Ворт устроился там и добился успеха, появилось множество подражателей и соперников. Некий г. Пинга[20], также служащий большой фирмы, воспользовался примером отца и поступил точно так же. Затем была Орели, и даже бывшие коллеги отца последовали его примеру.

Успех Чарльза Фредерика Ворта имел огромное влияние на будущее всей индустрии. Доказательства можно найти в статистике. В 1850 году было всего 159 заведений по пошиву женской одежды, и ни одно из них не было крупным или значительным. В 1898 году их было уже 1932, а ныне (автор имеет в виду 20-е годы XX века) тысячи и тысячи фирм занимаются исключительно модой для женщин. Некто сказал однажды о моем отце, что рю де ла Пэ в неоплатном долгу перед Вортом и наверху Вандомской колонны вместо Наполеона должна стоять его статуя, отлитая из чистого золота. Одним из моих первых впечатлений как раз и была колонна и улица Мира. Это было, когда войска вернулись из Италии и прошли парадом перед императором и императрицей по улице, напоминающей теперь базар драгоценных камней и тканей, которые могут встретиться только в сказках. Мне было тогда три года, и это был 1859-й.

Напротив Министерства юстиции на Вандомской площади был установлен большой помост, обтянутый красным бархатом, для императора и императрицы и их двора. Тем утром мама специально вернулась из Мон-Дора[21], где лечилась, чтобы посмотреть на войска, и именно в этот день я в нее влюбился!

---

[20] Пинга, Эмиль – главный конкурент Ворта в 1860 – 1880-е годы, копировал великого кутюрье, используя более дешевые материалы. – *Прим. А. Васильева.*

[21] Бальнеологический курорт во Франции на склонах массива Мон-Дор, в верховьях реки Дордоне. Термальные радоновые минеральные воды.

На ней было белое муслиновое платье, отделанное валансьенским кружевом[22]. Пояс был сделан из многоцветной дорогой ткани, подобной индийскому шарфу, и спадал длинными лентами сзади. Это многоцветие привело меня в восхищение, позже я снова его нашел среди ее вещей.

В назначенный час из собравшейся толпы раздались крики, возвещавшие появление героев, и все устремились в поисках лучших мест. Как сейчас вижу: солдаты с яркими пучками цветов на ружьях, моя взволнованная, милая мать в красивом платье и украшенный бархатом помост, где сидели император и императрица. Существует картина, запечатлевшая это событие, где-то в Люксембургской галерее или Версале, я не уверен точно.

Так как магазин и наша квартира на рю де ла Пэ находились на одном этаже, я бегал по мастерским взад и вперед каждый день, пока не достиг достаточного возраста и меня послали в школу-интернат. Таким образом, я впитал атмосферу, в которой создаются платья, столь же бессознательно, как научился ходить или говорить. На самом деле если существует внутриутробное влияние, то мне было предопределено стать кутюрье. Я не только был рожден в этом деле, но прежде чем появился, бодрствование и сон моей матери регулировались и управлялись требованиями ремесла.

Одним из самых захватывающих для меня занятий было наблюдать за примерками маскарадных костюмов для модных балов. Многие дамы заказывали их в последнюю минуту и приходили в магазин, чтобы одеться прямо перед балом. Много раз отец создавал изысканный костюм всего за двенадцать часов и заставлял заказчика приходить на примерку в любой час ночи. Платье дошивали прямо на даме, а затем делали прическу перед балом. Конечно, мне трудно было отказаться от присутствия на такой интересной процедуре. Даже в самом раннем возрасте маскарадные костюмы, особенно фантастические, или театральные очаровывали меня. И позже одной из основных радостей моей юности было посещение театра.

[22] Сплетенное на коклюшках, белое льняное кружево с цветочным рисунком. – *Прим. А. Васильева.*

Мисс Ван Варт в образе Марии Антуанетты от Ворта, ок. 1880 года

Донна Франка Флорио в средневековом костюме, считалась в свое время самой красивой женщиной Италии, ок. 1890 года

Бальное платье из тюля от Чарльза Фредерика Ворта, 1850-е годы, рисунок Шарля Палетта. Фонд Александра Васильева

Герцогиня де Морни, урожденная княжна Трубецкая, разговаривающая сама с собой, ок. 1867 года

Как только Ворт открыл собственное дело, значительную часть своего времени он проводил в поисках способов улучшить качество производимых в то время материй, стремясь создавать новые и возродить старые. Сейчас трудно себе представить, что в 1858 году нельзя было найти атласа, за исключением одного вида люстрина, используемого при оформлении коробок для конфет и обтяжки пуговиц. Существовали ленты, но атласа не было. Единственными материалами, которые тогда повсеместно использовались, были фай, муар, грогрон, бархат[23]. Бальные платья обычно изготовлялись полностью из тюля. Все женщины, независимо от размера и типа, появлялись на балу в платьях из этой летучей «паутинной» ткани.

Другим твердо установленным правилом моды 1850-х годов было то, что замужние женщины обязаны были носить чепец (капор). Считалось неприличным, если замужняя женщина появлялась в головном уборе, приличествующем девушке. Подобные чепцы носили и дома, и на балу. На некоторых картинах, например Энгра[24], женщины того десятилетия изображены в бальных платьях с маленькой скромной шапочкой на голове. После замужества моя мать безропотно подчинилась этому правилу, но отец, ненавидящий ее покорность правилам, вскоре освободил ее от этого, создав новую моду на шляпы.

---

[23] Фай – разновидность репса, плотная шелковая или шерстяная ткань, с тонкими поперечными рубчиками; муар – плотная шелковая или полушелковая ткань с волнообразным отливом или разводами, переливающимися на свету разными оттенками; грогрон – одна из тканей из группы гро, самых плотных шелковых французских тканей в рубчик; ворсовый бархат отличался от простого бархата более высоким и редким ворсом. – *Прим. пер.*

[24] Энгр, Жан Огюст Доминик (1780–1867) – французский художник, общепризнанный лидер европейского академизма XIX века.

Миссис Хартман в очень популярном в то время платье от Ворта, 1866

После тканей наиважнейшим занятием Ворта было развитие новых отделок – бисером, позументом, шнуром галуном – и возрождение старых рисунков кружева и вышивки. Его ум никогда не уставал что-то создавать.

Все материалы и отделки, которые он использовал, исполняя свои замыслы, были французского производства. Отец следил за тем, чтобы изготовители французских шерстяных тканей совершенствовали свою продукцию, чтобы он мог покупать их во Франции, а не в Англии, всегда считавшейся родиной шерстяных тканей. Единственный материал, для которого он когда-либо делал исключение, был ирландский поплин[25]. Ворт никак не мог добиться, чтобы его удовлетворительно делали во Франции. Он отстаивал французские товары из благодарности Франции, которой, как он говорил, обязан всем, потому что она предоставила ему возможность выразить свой особый талант.

[25] Хлопчатобумажная ткань, образованная сочетанием тонкой плотной основы с более грубым и редким поперечным утком, образующим рубчик.

Герцогиня де Морни, урожденная княжна Трубецкая, в платье от Ворта, 1863

Герцогиня де Морни в платье от Ворта дома

Мой отец в первый раз начал заниматься позументами[26], басонами[27], галунами[28], когда создавал фестонные и складчатые оборки, рюши, ролики для разнообразия своих первых моделей у Гажлена. Одной из первых отделок, которую использовал Ворт, был гагат[29]. Когда отец ввел его около 1855 года, он был объявлен слишком тяжелым и броским и встречен с большой враждебностью. Однако два года спустя, благодаря осторожности, с которой он его использовал, гагат стал главным украшением пальто и платьев и занимал важное место в украшениях в течение пятидесяти лет, что в особенности способствовало развитию этой специфической отрасли промышленности.

Позументы, басоны, галуны были только началом, когда отец впервые делал свои модели у Гажлена. И хотя их цена не превышала четырех франков за метр, это считалось чрезмерным, и отец был вынужден обратиться к кружеву и вышивке. Кружево, которое вскоре стало одним из самых сильных конкурентов гагата, вначале встретило такой же холодный прием, который был оказан его блестящему сопернику, но совсем по другим причинам. Настоящее кружево тогда столь редко встречалось и так ревностно хранилось владельцами, что было очень трудно убедить их использовать его в качестве отделки. Была сделана робкая попытка изготавливать кружева фабричным способом, поскольку метод Жаккарда[30] вошел в употребление около 1840 года. Но поскольку не было спроса на эту прозрачную ткань, почти ничего не делалось для усовершенствования процесса. Однако Ворт убедил некоторых из своих клиентов, ловко задрапировав и разместив кружево, разрешить ему использовать бесценное наследство. Результат был настолько неотразимым, что он победил их сопротивление.

Когда запасы настоящего кружева были исчерпаны, а это произошло весьма быстро, отец привез имитацию старинного кружева, настолько искусно изготовленную, что распознать подделку можно было, только обладая опытным взглядом. И снова, благодаря усилиям Ворта, появилось новое производство – изготовление кружева, которое стало процветать. Не следует думать, что первое десятилетие самостоятельной деятельности отца было простым или безоблачным. Как и во многих других делах, возрождение искусства изготовления платья было медленным и болезненным. Публика принимала его нововведения с упрямой неохотой. Клиенты требовали, например, изготовить пальто, использовав четыре метра бархата стоимостью в среднем сто тридцать один франк, которое «проживет» по большей мере три или четыре года. Любое нововведение рассматривалось с подозрением и вызывало неодобрение даже у торговцев, которые могли бы от этого получить прибыль. Один из членов жюри на выставке 1851 года однажды сказал моему брату Гастону, что его коллеги по жюри критиковали модели, представленные нашим отцом на показ, с особой резкостью и суровостью, потому что они так сильно отличались от общепринятой моды.

Но со временем Чарльз Фредерик Ворт склонил на свою сторону и оптовую, и розничную торговлю, и критиков, и экономных клиентов. Когда наконец женщины поняли, что могут больше не носить сделанные дома некрасивые платья, а кутюрье сошьет модель, специально подобранную для их типа фигуры и лица, его борьба закончилась полной победой. Он завоевал успех уже в 1851 году, когда, несмотря на суровую критику жюри на выставке, выставленные модели Дома Гажлена получили такое одобрение, что покупатели из домов

---

[26] Золотая, серебряная или мишурная (медная, оловянная) тесьма, золототканая лента, повязка, обшивка, оторочка.

[27] Плетеные изделия – шнур, бахрома, кисть и т. п. для украшения одежды, мебели.

[28] Нашивка из тесьмы, шитой золотом или серебром.

[29] Полированный черный камень, разновидность каменного угля, из которого в XIX веке изготовлялись женские украшения. – *Прим. А. Васильева.*

[30] Жаккар, Жозеф Мари (иногда Жаккард) (1752–1834) – французский изобретатель ткацкого станка для узорчатых материй (машина Жаккарда).

Лондона приехали в Париж для более подробного знакомства и увеличили число своих заказов. Если за год до этого заказ включал в себя дюжину моделей, то после выставки заказ размером в сотни моделей стал обычным. Все это означало, что для находившихся в бедственном положении кутюрье началась новая, славная жизнь. Другая польза от выставки заключалась в том, что, вернувшись домой, энтузиасты открывали магазины в своих странах, где копировали парижские модели.

Бальное платье от Чарльза Фредерика Ворта, 1860. Рисунок Шарля Палетта. Фонд Александра Васильева

Еще один стимул получили наше ремесло и связанные с ним отрасли промышленности во время Реставрации Империи к концу 1852 года, поскольку она принесла с собой множество официальных приемов, где были допустимы только самые великолепные туалеты.

Костюм для путешествий от Ворта, Париж, ок. 1865 года

Дама в амазонке от Ворта и в шляпе для верховой езды, Париж, ок. 1865 года

Платье от Чарльза Фредерика Ворта, 1860. Рисунок Шарля Палетта. Фонд Александра Васильева

Основа современного огромного экспорта была заложена в то десятилетие выдающимися и честолюбивыми людьми из других стран, кто, предполагая, что их будут допускать в Тюильри и принимать при дворе, приезжал, смотрел и покупал одежду в Париже. Среди них были и американцы. Их покупки были вынужденно расточительными, потому что кроме приемов, устраиваемых в императорских дворцах в Париже, Компьене и Фонтенбло, проходило множество мероприятий силами самих парижан.

Когда путешественники возвращались домой, парижская одежда возбуждала их соперников и друзей подражать, это автоматически создавало новых клиентов. И они стали такими же преданными нашими клиентами, как те, которым подражали, потому что в основном не существовало другого рынка, столь успешно специализирующегося на продаже одежды. Это было начало золотого века для кутюрье и изготовителей шелка, кружева и всех других предметов, вносящих свой вклад в туалет дамы. В это время парижанке дали возможность проявить свой врожденный вкус, в наши дни называемый шиком – главная ее характеристика, и вскоре она уже устанавливала стандарт элегантности во всем мире. Со временем парижанка стала столь известной в силу своего чутья в портновской красоте, что платье, прибывшее не из Парижа, не принималось во внимание. Женщины хотели иметь только французскую модель, придававшую им чувство самоуважения. Город света стал основным поставщиком дамского платья во все страны цивилизованного мира.

Но новую моду порой называют изобретением дьявола. Моя мама никогда не забывала резонанс, который вызвала одна из таких моделей – революционное новшество в дамских шляпах. В 1850-е годы женщины носили шляпы, называемые «капорами», «кабриолетами» или «биби». Название происходило от широких полей в форме складного верха конного экипажа, которые обрамляли лицо и завязывались под подбородком широкой лентой и бантом. Семейный альбом хранит много снимков с подобными шляпами. Внутри этих полей располагался узкий рюш из белого или цветного тюля – «бажу» (щечки). Сзади шляпа почти доходила до шеи и образовывала круглый маленький шиньон, всегда сделанный из настоящих волос, ни в коем случае из фальшивых. К задней части капора пришивалась широкая оборка из материи, подходящей по цвету к шляпе, – «баволе»[31]. Он свисал на плечи и полностью закрывал сзади шею и волосы. «Кабриолет» вошел в моду во время Империи, да и при Реставрации и царствовании Луи Филиппа все еще был в моде.

Мой отец никогда не любил такую моду и считал, что очень жалко прятать под шляпой на три четверти волосы женщины, ведь именно они часто бывают ее главным предметом красоты. (Что бы сказал он сейчас!) Желая воскресить моду периода Людовика XVI и Марии Антуанетты, он решил начать с «кабриолета» и убедил мать отправиться на скачки в шляпе, с которой он убрал «баволе». Это был настоящий «государственный переворот». Ничто не может в наши дни вызвать сенсацию, сравнимую с той, какую произвела мама, появившись без «баволе», явив шиньон и шею на всеобщее обозрение.

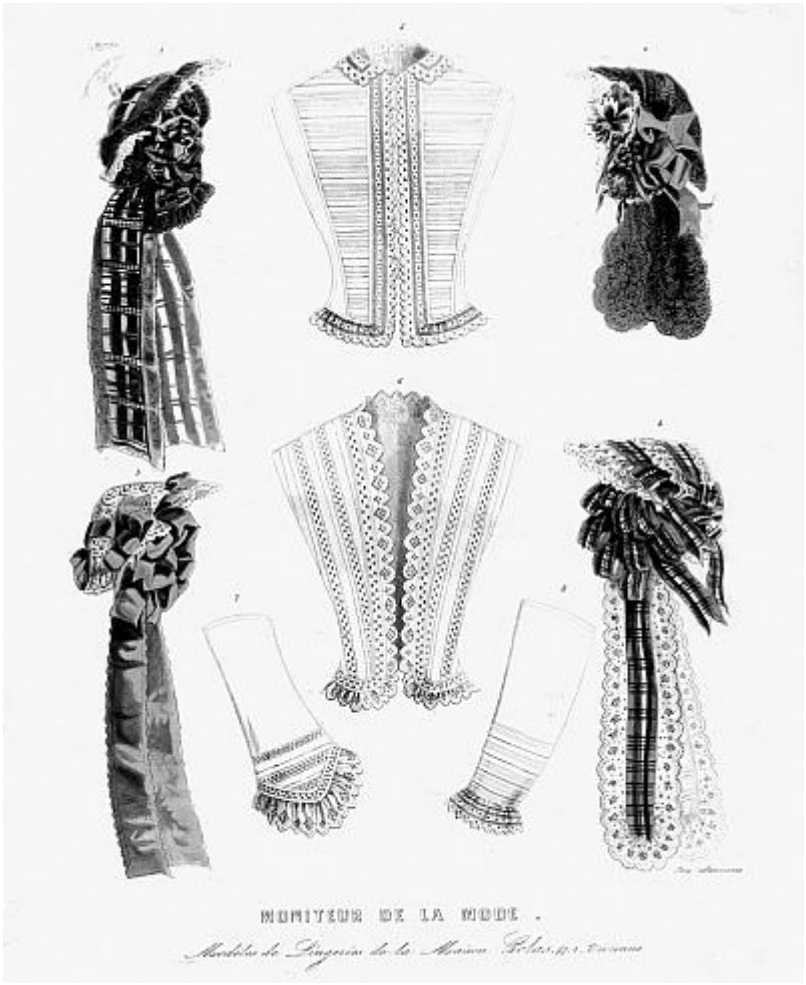
Лошади и скачки ушли на второй план. Все взгляды были направлены на мадам Ворт с ее скандальной шляпой. Но, возвращаясь со скачек, ее карета поравнялась с экипажем княгини Меттерних[32], и новый головной убор собрал свою первую дань. Принцесса выглянула наружу и воскликнула: «Моя дорогая мадам Ворт, что за очаровательная шляпа?» Это было начало. В течение недели княгиня и ее современницы появились в шляпах без «баволе».

[31] Оборка из ткани, закрывающая затылок. – *Прим. А. Васильева.*

[32] Меттерних, Полина (урожд. Де Сандор) (1838–1921) – жена австрийского посла, принцесса, очаровательная и элегантная, задавала тон в парижской моде.

Миссис Генри де Пейн в знаменитом платье с морковками от Ворта, Париж, ок. 1860 года

Русская клиентка Ворта, госпожа Нарышкина, Париж, ок. 1860 года



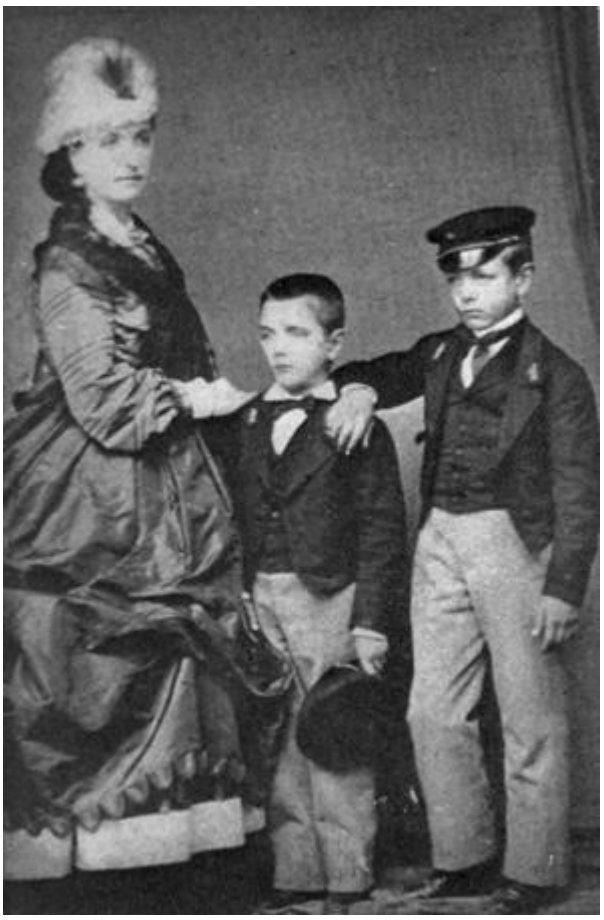
Дамские шляпы, 1850-е годы. Фонд Александра Васильева

Принцесса Полина фон Меттерних в платье от Ворта, Париж. Фото Надара

Однако одна из маминых подруг, проводившая бóльшую часть года в деревне, не знала об этой новинке, пока не появилась моя мать в шляпе без «баволе». Если бы мама вошла в комнату без головы, подруга была бы менее оскорблена. Она выразила неодобрение, сжав губы – и во все время визита ни разу не улыбнулась! – и бросала на шляпу возмущенные взгляды. Но, наконец, она уже не могла терпеть и сухо заявила: «Но, моя дорогая, у вашей шляпы нет баволе!» Мадам Ворт спокойно ответила: «Ах да! Баволе больше не носят. Вы разве не знаете?» После чего приятельница сказала: «Никогда не видела ничего более отвратительного. Это просто неприлично». Вернувшись домой, мама рассказала отцу о такой реакции. И до самой смерти он не переставал со смехом вспоминать эту женщину, которая считала неприличным показывать шею сзади.

Хотя Чарльз Фредерик Ворт относился к своей работе чрезвычайно серьезно, он никогда не возражал, чтобы мы с братом путались у него под ногами, когда были маленькими. И, отвлекаясь от работы, он с большим восторгом принимал наши шалости. Одна из них доставила ему большое удовольствие: некоторые вольности в поведении с некоей леди Х…, женщиной, чья доброта могла сравниться только с обширностью ее размеров. Я увидел платье, которое она принесла для переделки, и мне пришла в голову мысль поместить внутрь него двух девушек, державших друг друга за талию. Я так и сделал, и когда пояс был завязан, а у каждой девушки оказалось по рукаву, платье все еще было просторно для смеющихся «обитательниц». Я торжествовал и поставил это чудовище за дверью приемной отца. Я вошел и торжественно спросил, может ли он принять леди Х…, которая пришла за своим платьем. Он встал, готовый принять эту титулованную леди со своим обычным легким шармом, а я ввел созданное мною чудовище. Несколько секунд отец стоял неподвижно, а затем откинул назад голову и захохотал. Этот смех был ярким доказательством восхитительных отношений между ним и его сыновьями. Не было нотаций по поводу знатных клиентов, выговоров за испорченное дорогое платье, а просто громовой смех над глупой шалостью. Весь вечер домашние веселились по этому поводу. Моя мать, для меня самая восхитительная женщина,

относилась к своему материнству более серьезно. Подобно всем молодым девушкам своего времени – особенно в провинции, – она получила довольно поверхностное образование. Ее учили грациозности, умению красиво держаться при ходьбе и танцам. К этому можно добавить некоторые сведения по правописанию, орфографии, сложению, вычитанию, делению и умножению, немножко географии, шитье и, что всего важнее, вышивание и ручное ткачество. В результате подобного обучения получилось очаровательное существо, которое могло бы возникнуть как плод любви бабочки и розы, но лишенное каких бы то ни было знаний практической жизни. Ей никогда не приходило в голову побеспокоиться о наших зубах, или гландах, или желудках. Такие скучные проблемы она предоставляла школьным надзирателям. Но мама обожала нас и едва не падала в обморок каждый раз, когда мы падали, поскользнувшись на полу или споткнувшись о камень. Мать начинала ухаживать за нами, как только мы возвращались из школы. Она встречала нас поцелуями, а затем сажала на стул и начинала расчесывать нам волосы. Каждый раз, когда частый гребень выдергивал клок волос и мы вскрикивали, она очаровательно хмурилась и грозила суровым наказанием. Затем она укладывала наши волосы завитками на папильотки, которые она сдавливала горячим утюгом. После этого мы оставались в «папильотках» около двух часов, пока волосы не укладывались волнами. После этой повинности мы снова были расчесаны и сглажены щеткой, а затем смазаны жиром. На нас любовались и яростно целовали, а потом нам разрешалось идти играть, при условии, что мы воздержимся от шумных игр и сохраним наши кудри нетронутыми до конца дня.



Мадам Ворт с детьми, Париж, 1863

Жан-Чарльз, внук Ч. Ф. Ворта,1891. Фонд Александра Васильева

Другим предметом ее особой заботы была одежда, которую мы носили во время наших «завитых» каникул. Чувствуя, что длинные брюки не очень красивы на детях – нам было тогда восемь и десять лет, – она заказала портному сшить два костюма, они были для нас просто пыткой. Нижние части этих ужасных костюмов были очень короткими узкими штанами, в придачу к ним полагались гетры, застегивающиеся примерно на сорок пуговиц, они были выше колена на пятнадцать сантиметров. Эти гетры были более чем узкими. Когда мы их надевали, то, садясь, не могли согнуть ноги. Этот странный костюм дополнялся короткой маленькой блузой с кожаным поясом. Но самое главное, эти костюмы были светло-табачного цвета, и одна из близких подруг матери, обожавшая ее подразнивать, воскликнула, увидев нас: «О, посмотрите на этих двух мартышек».

Это вызвало гнев у бедной мамы, но не помешало ей демонстрировать нас на прогулке в Булонском лесу. В тесных гетрах на откидных сиденьях экипажа, ни одна пытка инквизиции не могла сравниться с мучениями подобных прогулок. Незадолго до этого времени отец удостоился наивысшей похвалы за свои успехи и покровительство двора. И в 1860 году я впервые увидел известную во всем мире восхитительную красавицу, императрицу Евгению[33].

[33] Евгения де Монтихо (1826–1920) – последняя императрица Франции, супруга Наполеона III. Славилась красотой, была законодательницей мод для всей Европы, клиентка Чарльза Фредерика Ворта.

Глава 3
Влияние императрицы Евгении

В 1859 году императрица Евгения в своей обычной быстрой и властной манере решила, что она должна купить себе что-нибудь из пресловутого магазина на рю де ла Пэ, и послала за Вортом.

Придворный этикет требовал наличия вечернего туалета для официального визита в Тюильри, независимо от времени дня. Но отец заявил, что для него удобно в середине дня прийти с деловым визитом в рабочей одежде, тем самым нарушив установившиеся традиции. Подобный прецедент стал для него чем-то вроде привычки. Еще до того случая он бросил вызов условностям и отрастил усы. В середине девятнадцатого века судья или нотариус могли украшать свою верхнюю губу, но простой глава коммерческого учреждения – никогда! Дата его смелости проблематична. Но, должно быть, это произошло вскоре после открытия его магазина на рю де ла Пэ, потому что висячие усы, которые носили китайские мандарины, и любимое мною лицо отца неразделимы в моей памяти. И все же появиться перед императрицей в чем либо, кроме фрака, предписываемого королевским эдиктом, требовало несколько больше чем смелость.

Приехав в Тюильри в рабочей одежде, Ворт нашел императрицу Евгению в высшей степени очаровательной, но тем не менее что-то в ее красоте слегка поблекло, опаленное солнечными лучами жизни. Но что касается моды, она оказалась убежденной реакционеркой. Евгения последней принимала новую моду или советы, и всегда против своей воли. Ко всем новшествам она была воинственно невосприимчива. Когда, в конце концов, они становились неотъемлемой частью современной моды и их нельзя было больше игнорировать, императрица только улыбалась. Некоторые дипломаты отмечали, что это было ее политикой. Отец столкнулся с этой чертой в наиболее упрямом проявлении, когда попросил у нее спонсорство Лиону и его шелкам.

Императрица Евгения в платье, отделанном кружевом. Фрагмент работы Ф. К. Винтерхальтера (1852)

Чарльз Фредерик Ворт в 1858 году, когда он начал свое дело, Париж

Задолго до того, как у отца появился собственный магазин, Лион славился тканями и прекрасными расцветками, на чем, собственно, и основывалась его слава как города тонких тканей. Но, по всей видимости, на тот момент забыл все, что когда-то знал. Первое, что Ворт сделал, это попытался убедить производителей Лиона оживить прежнюю славу. Со временем клиенты, покоренные изяществом его фасонов и редкими старинными рисунками прекрасных лионских материалов, начали щедро покупать модели отца, а Лион получил новую жизнь. Вот один пример того, до какой степени промышленное возрождение обязано героическим усилиям Ворта. В 1853-м он мог найти во всей Франции только две оборки алансонского кружева, необходимые для отделки свадебного платья, длиной три метра пятьдесят сантиметров, и они были разного рисунка. Когда императрица распределяла призы на выставке 1855 года, юбка ее восхитительного вишневого бархатного платья была полностью покрыта алансонским кружевом и оценена приблизительно в 25 000 франков.

Образец «алансонского» подвенечного платья от Ворта, узкого вверху и расширяющегося снизу. Этого никогда раньше не делали. Изготовление кружева заняло четырнадцать лет, ок. 1878 года

Именно на этой выставке, кстати, отец представил свое «придворное пальто». Эта короткая мантилья свисала с плеч, а не с талии (главное отступление) и была изготовлена из шелкового муара с крупными разводами, вышитого золотом. Оно немедленно стало королевской модой, и его можно было видеть на любом портрете королевы в мантии, сделанном в последующие семьдесят лет.

Тем не менее произвести сенсацию, создав новую «придворную мантию» или платье стоимостью в пятнадцать тысяч долларов из вышитого алансонского кружева, – это одно. А увеличить спрос на шелк, который отец чрезвычайно любил, в особенности для праздничной одежды, – это совсем другое. Подобное требовало покровительства императрицы. Добиться от Евгении финансовой поддержки лионских изготовителей шелка казалось невозможным. Она не отличалась терпимостью к новому, как я уже упоминал, и к тому же Лион осуждал политику императора и императрицы. Но Ворт был полон решимости спасти французских промышленников и, будучи искусным дипломатом и политиком, сшил для Ее Величества очень красивое платье из лионской парчи. Оно было бежевого цвета, а цветочный узор, вытканный на ткани, был скопирован с редкой китайской шали.

Но когда он показал платье Евгении, она бросила на него всего один взгляд и категорически заявила:

– Я не буду этого носить. Я в нем буду выглядеть как занавеска.

– Но, Ваше Величество, – возразил мой отец, – наденьте его хотя бы ради того, чтобы ваше покровительство имело значение для лионских производителей!

Евгения иронически улыбнулась:

– С какой стати? Потому что они так добры по отношению к нам? – язвительно намекнула она на оппозицию Лиона.

– Их оппозиция – еще одна причина, чтобы вы носили их шелка, – возразил отец, – чтобы показать, что вы…

Но прежде чем он успел выдвинуть старый довод о пользе обезоруживающего великодушия, вошел император, и мой отец обратился к нему:

– О, сир, пожалуйста, убедите Ее Величество надеть это платье. Возможно, десять или двенадцать самых модных дам ожидают меня в моем магазине, и когда я вернусь, не успею снять пальто, как они бросятся на меня с криками «Покажите нам, что выбрала Императрица. Покажите нам, что выбрала Императрица». И как только я покажу, они немедленно закажут платья из такого же материала. Если Ее Величество выберет лионскую ткань, через пять минут в городе Лионе узнают, что Императрица оказала им честь, надев платье из их новейшего материала.

Император кивком одобрил красноречие моего отца и, обернувшись к Евгении, сказал:

– Господин Ворт прав. Наденьте это платье всего один раз, если оно вам так не нравится. Это новый материал, выработанный нашими отечественными производителями, и это было бы разумным поступком.

Таким образом, императрица Евгения согласилась носить платье из бежевой парчи, которое «выглядит как занавеска», и лионский шелк прочно вошел в обиход. Год спустя его носили даже на улицах.

Общепринятым дневным платьем 1860-х годов было шелковое, с длинной юбкой, которую дамы поддерживали при ходьбе. Эта мода просуществовала до выставки 1868 года. А затем было решено, что длинные платья на улицах нарушали санитарные требования, и вместо этого стали носить короткие юбки. По крайней мере, тогда их называли короткими! В это же время начали носить длинные платья из шелка, «полонезы», со складками в стиле Ватто[34]. В 1872-м статистика показала, что, когда мой отец убедил Евгению носить платье «как занавеска», он увеличил число работавших в Лионе ткацких станков с 57 000 до 120 000.

[34] Ватто, Жан Антуан (1684–1721) – французский живописец и рисовальщик, основоположник и крупнейший мастер стиля рококо.

Парижская мода, 1867. Фонд Александра Васильева

Другой пример, в котором Ворт одержал победу над «непрогрессивной» императрицей, относится к прическе. Он убедил мать состричь волосы спереди и завить их в маленькие кудряшки надо лбом. Как он только смог преодолеть ее страх показаться смешной, удивительно. Видимо, у него была особая сила убеждения. Но ему это удалось, и у мадам Ворт была такая прическа, когда она впервые услышала Аделину Патти[35]. Мы были в дружеских отношениях с Патти, и она часто посылала нам приглашение в ложу на свои выступления. На следующее утро де Жирарден, журналист, в своей колонке комментировал это так: «Прошлым вечером симпатичная мадам Ворт появилась на концерте Патти с прической, которая сделала ее похожей на мадам Рекамье[36] и вызвала огромное восхищение». Такая реклама вызвала настоящий переполох. Решительный отказ от простых лент для волос, принятых тогда, дошел до императрицы, и она спросила имя парикмахера, ответственного за это. Но когда Евгения узнала, что ее императорские волосы будут острижены ножницами, она вздрогнула и закричала: «О, но я никогда не соглашусь остричь свои волосы!» Тогда парикмахер соорудил маленькую искусственную челку, чтобы она могла носить ее под лентой. Однако позже, когда императрица привыкла и все остальные уже остригли свои волосы,

[35] Патти, Аделина (1843–1919) – итальянская певица, колоратурное сопрано. Пела во многих странах, прославилась исполнением партий Розины («Севильский цирюльник» Дж. Россини), Виолетты («Травиата» Дж. Верди), Маргариты («Фауст» Ш. Гуно) и др. – *Прим. пер.*

[36] Рекамье, Жюли (1777–1849) – выдающаяся женщина своего времени, ее красота в сочетании с искренностью и умом покоряла художников (Давид, Жерар, Шинар). Создала свой салон, который превратился в интеллектуальный и артистический центр Франции, куда были вхожи самые знаменитые личности.

она покорно согласилась на стрижку. Нет необходимости добавлять, что новая мода была к лицу императрице. Что за роскошный контраст представляли собой две эти женщины – моя мать и императрица Евгения! Тициановская императрица и темноголовая, симпатичная мама с ее тонким носом и приятным лицом! Классическая холодность Евгении и простота и очарование мадам Ворт! Фотографии не всегда верно передают ее шарм. Без улыбки пропадала добрая половина ее очарования, и поскольку она улыбалась весьма часто, мама всегда была обворожительной. Некий Виктор Жиро, большой друг принцессы Матильды[37], написал портрет моей матери в том же году (1858-м или 1859-м), что и портрет графини ди Кастильоне[38]. Эти два портрета были выставлены вместе, и красота матери-брюнетки и миловидность блондинки, прекрасной итальянки, в контрасте вызвали множество одобрительных комментариев. Нет нужды говорить, что для меня ни одна женщина, графиня или императрица, не была столь же прекрасна, как мама.

[37] Матильда (1820–1904) – принцесса, дочь Жерома Бонапарта, ставшего королем Вестфалии (1807–1813), а затем, в 1850 году, маршалом Франции, вторым браком был женат на принцессе Катерине Вюртембергской. При Второй империи была хозяйкой блестящего парижского салона. – *Прим. пер.*

[38] Кастильоне, Вирджиния ди (урожд. Ольдоини) – итальянская куртизанка, фотомодель. В шестнадцать лет вышла замуж за графа Франческо ди Кастильоне. Возлюбленная Наполеона III. С 1856 года постоянная модель фотографа императорского двора Пьера-Луи Пьерсона. По общему признанию современников, красивейшая женщина своего времени.

Костюм Прозерпины, изготовленный Ч. Ф. Вортом для императрицы Евгении в стиле барокко

Разумеется, отец часто видел императрицу Евгению, но мне довелось находиться в ее присутствии дважды. Первый раз я был еще пяти– или шестилетним ребенком. Королевская чета устраивала праздник в саду для всех детей, родившихся в один день с императорским принцем, которому они были крестными отцом и матерью. Столы были накрыты в саду Тюильри, и Ее Величество подавала детям еду. Поскольку сад был открыт и для других, кроме ее крестных детей, одному из молодых людей, работавших у моего отца, представился случай встретиться с императрицей. Он взял моего брата и меня на этот детский праздник. Этот смелый молодой человек, оказавшись на празднике, быстро подошел к императрице и сказал: «Ваше Величество, – и твердо продвинул нас вперед, – это сыновья господина Ворта». Она повернулась к нам и ласково заговорила. Я был очень смущен. Если бы мне вдруг улыбнулась Святая Дева, я не испытал бы большего трепета. В самом деле, если принять во внимание ее внешность, в ней была какая-то божественность. Когда Евгения вне-

запно улыбнулась мне, ее выражение было нежным и обворожительным, губы ярко-красного цвета оттеняли великолепные белые зубы, волосы были темно-красными с золотым отливом – впоследствии она сделала их светлее – и поддерживались мягкой лентой. Одета императрица была в длинное лиловое платье и шляпку из белого тюля.

Графиня Вирджиния ди Кастильоне, Париж, 1858. Фото Майера

Мой второй разговор с ней состоялся, когда мне было около тринадцати лет. Я сопровождал все того же веселого молодого человека в Сен-Клу с посланием к Ее Величеству. Мы жили в то время в Сюрене и отправились пешком в Сен-Клу, который находился примерно в часе ходьбы от нашего дома. Не имея даже представления о том, что нам предстоит встреча с императрицей, я отправился в эту увеселительную прогулку в прочной одежде, тяжелых школьных башмаках. Когда мы пришли, они так запылились, да и лицо было не слишком чистым. Без сомнения, если бы моя утонченная мама узнала, что я предстал перед императрицей в таком виде, она бы не смогла удержаться от слез.

Но на мадам Поле, горничную Евгении, казалось, бóльшее впечатление произвел мой рост, а не невзрачный костюм. «О, это юный сын господина Ворта! Какой он высокий! Ее Высочество обязательно должна его видеть», – воскликнула она. И она взяла меня за руку и повела грязного мальчишку, каким я тогда выглядел, к императрице.

Теперь я смог увидеть Ее Величество. Ее платье со строгим корсажем было из белого кашемира, с туникой из того же материала, отделанной бархатом цвета волос. Единственным украшением были серьги, и она могла бы позировать как образец элегантной простоты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.